

Минута без птиц

Александр
Красовский

Александр Красовский

Минута без птиц

«Автор»

2026

Красовский А.

Минута без птиц / А. Красовский — «Автор», 2026

Инеcса находит на чердаке эскизы своей умершей тётки и решает продолжить её дело. Но вместе с рисунками она получает право, которого никто ей не давал: объяснять живым, чего хотела женщина, давно лишённая возможности возразить. Так начинается история одной семьи, одного Дома и одной памяти, которая продолжается на протяжении трёхсот лет. «Минута без птиц» — философская повесть-сага о выборе, наследии и границе между сохранением прошлого и его присвоением.

© Красовский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЗАКРЫТО	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕРДАК, ГДЕ ПЕЛИ ПТИЦЫ	7
1. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ	7
2. ОДИН ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ	9
3. ЖЕНЩИНА НА ФОТОГРАФИИ	11
4. АЛЬБОМЫ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Красовский

Минута без птиц

ПРОЛОГ

ЗАКРЫТО

В последний день их первый бизнес пах не поражением, а пылью.

Инесса Ирисова ожидала другого запаха. Горечи, железа, перегоревшей проводки — чего-нибудь такого, что можно было бы запомнить как запах конца. Но в пустой мастерской пахло картоном, льняной тканью и стеной, от которой отодвинули тяжёлый стеллаж. На стене остались четыре светлых прямоугольника, похожих на окна в комнату, которой никогда не существовало.

Иван стоял на стремянке и снимал вывеску. На ней было написано: «ИРИС. Текстиль для дома». Когда-то они долго спорили, какую букву сделать тоньше, какую — выше, стоит ли рисовать над словом маленький цветок. Теперь правая часть вывески не поддавалась, и Иван дёргал её с такой сосредоточенной злостью, словно за деревянной панелью находилась настоящая причина их разорения.

— Осторожнее, — сказала Инесса. — Там провод.

— Я вижу.

Она знала, что он не видит. Последние месяцы они оба отвечали друг другу именно так: «Я вижу», «Я помню», «Я сделал», хотя не видели, забывали и не успевали.

На полу лежали рулоны непроданной ткани. В углу стояла сломанная вешалка. На подоконнике осталась чашка с засохшей полосой кофе. Инесса подняла телефон и сфотографировала помещение.

Иван наконец оторвал вывеску от стены. Он спустился, увидел телефон в её руке и спросил:

— Зачем?

— Не знаю.

Он хотел сказать, что у них и так слишком много фотографий прежней надежды: подушки, скатерти, каталоги, весенние витрины, зимние скидки, их улыбающиеся лица на открытии.

Но промолчал. Вывеска была тяжёлой; он держал её перед собой, как крышку от слишком большого гроба.

За стеклом шёл мелкий октябрьский дождь. Было 12 октября 2024 года. Машины медленно ползли по улице. Никто не останавливался возле мастерской, никто не замечал, что сегодня здесь заканчиваются четыре года чужой жизни.

Инессе было тридцать. Она считала этот возраст границей, после которой человек уже обязан знать, что делает. Ей казалось, что существует тайная комиссия взрослых, которая однажды вызывает тебя и спрашивает: «Ну? Что получилось?» Она мысленно показывала комиссии пустое помещение, долг перед банком и три рулона дорогой ткани, которую никто не захотел покупать.

— Ключи завтра отдадим, — сказал Иван.

— Я помню.

— Я знаю, что помнишь.

Они посмотрели друг на друга. В прежние годы любой спор у них имел продолжение: кто-то повышал голос, кто-то хлопал дверью, кто-то первым ставил чайник. Теперь продолжения не было. Усталость стала третьим человеком в их браке и научилась садиться между ними.

Инесса ещё раз посмотрела на фотографию. В кадр попали коробки, снятая вывеска, рука Ивана и её собственное отражение в тёмной витрине. Лица почти не было видно.

Через триста лет другая женщина увеличит этот снимок и станет искать в отражении слёзы. Система предложит вероятность. Фотография не ответит. Инесса в тот день не плакала: она прикидывала, куда поставить рулоны и хватит ли денег на ноябрь.

Позже снимок назовут началом. Для Инессы он был доказательством, что помещение опустело.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕРДАК, ГДЕ ПЕЛИ ПТИЦЫ

1. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ

Через неделю, 19 октября, Инесса уехала к матери на дачу. Иван не спросил, когда она вернётся. Она не сказала, что уезжает не отдыхать, а потому, что в их квартире каждый предмет напоминал о совместной ошибке.

Дача стояла в сорока километрах от города, за посёлком, который постепенно обрастал новыми заборами, складами и магазинами. Дом построил ещё дед Инессы. Он был не старинным и не красивым — обычный щитовой дом с пристроенной верандой, крашеными половицами и крышей, которую каждую весну обещали заменить следующей осенью.

Вера Михайловна встретила дочь в меховых тапочках и шерстяном свитере.

— Разулась бы на веранде. Я только вымыла.

Инесса сняла туфли и внесла сумку.

— Как Иван?

— Нормально.

— А ты?

— Тоже.

За обедом мать говорила о теплице, о соседской кошке, о том, что в этом году яблоки мелкие. Инесса кивала. Её раздражало материнское спокойствие. Казалось, Вера заранее знала, что мастерская закроется, но из деликатности не сказала.

— Ты ведь считала, что у нас не получится, — произнесла Инесса.

Вера подняла глаза от тарелки.

— Я считала, что вы взяли слишком большой кредит.

— Это почти одно и то же.

— Нет. Не одно.

— Для тебя всегда всё просто: надо было меньше тратить, больше думать, не торопиться.

— Для меня ничего не просто. Просто я не вижу смысла говорить человеку, который упал, что земля виновата.

Инесса отодвинула тарелку. Вера встала, открыла буфет и переставила одну чашку, потом другую, хотя обе стояли правильно.

Дождь начался вечером. Он бил по крыше неровно, словно кто-то сверху перебирал пальцами. Через час на потолке в маленькой комнате проступило тёмное пятно.

— Только этого не хватало, — сказала Вера. — На чердаке под течью старые коробки. Посмотришь? У меня колено опять.

Лестница на чердак была узкой. Инесса поднялась с фонарём, толкнула люк и оказалась среди сухого запаха дерева, пыли и прошлых лет.

Чердак был устроен по закону семейной памяти: сюда попадало всё, что жалко выбросить и не хочется видеть. Чемодан без ручки, детские лыжи, три банки пуговиц, радиоприёмник, сломанная лампа, школьные тетради. Дождь пробивался у трубы, и вода капала на старое покрывало.

Инесса отодвинула ящик, подставила таз и уже собиралась спускаться, когда увидела у стены коробку, обёрнутую серой тканью. На крышке синим карандашом было написано: «Света. Не выбрасывать».

Инесса знала, что у матери была старшая сестра. Знала, что та умерла молодой, ещё до её рождения. В семье о Свете говорили редко и всегда одинаково: «Очень талантливая была», «Болела», «Жаль». Три короткие фразы заменяли человеку биографию.

Коробка была тяжёлая. Инесса вытащила её на свет и села рядом на старый матрас. Под пальцами хрустнула высохшая клейкая лента.

Она могла позвать мать. Вместо этого открыла крышку.

Сверху лежала тетрадь в синей матерчатой обложке. На первой странице крупными буквами было написано:

«ОДИН ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ».

Ниже — другим, более мелким почерком:

«Не нужно записывать самый важный день. Важный день и без того запомнят. Нужно сохранить тот, который исчезнет первым».

Под надписью стояла дата: 22 мая 1988 года.

Инесса перевернула страницу.

2. ОДИН ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

«Утром было холоднее, чем обещали по радио», — начинала Светлана.

Почерк шёл ровно, потом начинал подниматься к краю страницы.

Светлана писала, что вышла из дома рано. На кухне Вера спала, положив голову на сложенные руки. Накануне они поссорились из-за куска белой ткани: Вера случайно поставила на него чашку, и на краю осталось светло-коричневое кольцо. Светлана накричала. Утром хотела извиниться, но не стала будить сестру.

Она взяла альбом и пошла в лес.

«Сначала пела одна птица, очень деловая, будто проверяла, все ли проснулись. Потом ей ответили сразу с трёх сторон. Я не знаю их названий. Может быть, если знать названия, легче различать голоса. А может, наоборот: услышишь „зяблик“ и перестанешь слышать самого зяблика».

За стеной чердака шёл дождь. Водяные капли ударяли в таз. От этого текст казался не прочитанным, а услышанным.

В мае 1988 года Светлане было двадцать восемь. О болезни в записи стояло только: «Бок опять тянет». Инесса задержалась на этой строке и поймала себя на том, что уже представляет её медленный шаг, остановки у травы, упрямство. В тетради этого не было.

В альбоме на странице с той же датой был набросок платья: мягкие рукава начинались у плеч, напоминая крылья лишь движением линий, и позволяли свободно поднимать руки. Из трёх проведённых линий две были зачёркнуты. В тетради рядом упоминался тёплый камень у тропы и птицы, каждая со своей фразой.

Дальше Светлана упоминала женщину с пустой плетёной корзиной. Та шла за сморчками, а корзина была такой чистой, будто в неё ещё ничего не клали. Инессе пришла в голову фраза: люди часто несут с собой форму надежды раньше, чем находят то, чем её наполнить.

Светлана записала запах влажной земли, солнечные пятна на тропе, далёкий стук электрички. Написала, как вернулась домой, как Вера всё-таки попросила прощения за пятно, а она сделала вид, что давно забыла. Как недошитый воротник лежал на столе. Как вечером ей стало страшно, но она не захотела объяснять — от чего именно.

Последняя строка была подчёркнута:

«Сегодня ничего особенного не произошло. Наверное, поэтому мне хочется, чтобы этот день не исчез».

Инесса сидела на чердаке, пока ноги не затекли.

Под тетрадью лежали альбомы. На обложках — надписи: «Лето», «Город», «Линия плеч», «Когда-нибудь». Внутри были рисунки платьев, пальто, жакетов. Некоторые казались наивными, другие — удивительно современными. Рядом с силуэтами Светлана писала замечания: «не стеснять локоть», «карман должен находиться рукой сам», «красивая вещь не имеет права мстить телу».

Дальше лежали фотографии. На одной Светлана стояла у края леса в светлой блузке и тёмной юбке. Ветер прижимал ткань к ногам. Одной рукой она придерживала волосы, а взгляд был немного в сторону.

На обороте почерком Веры было написано: «Света. Май 1988. Перед дождём».

Инесса искала сходство — изгиб губ, взгляд, способ держать плечи — и не находила.

В самом низу коробки лежала аудиокассета. На бумажной наклейке была надпись: «Лес. Май. Света просила».

— Инесса! — позвала мать снизу. — Ты там утонула?

Инесса закрыла коробку не сразу.

Когда она спустилась, Вера увидела тетрадь в её руках и побледнела так быстро, будто с лица сняли свет.

— Где ты это взяла?

— На чердаке. Там протекает.

— Я вижу, что на чердаке.

Мать села за стол. Она не попросила отдать тетрадь, но смотрела на неё так, словно Инесса держала чужой личный орган.

— Почему ты никогда не рассказывала?

— Что именно?

— О ней. Нормально. Не «талантливая, болела, умерла».

Вера провела ладонью по клеёнке.

— Потому что нормально не получалось.

3. ЖЕНЩИНА НА ФОТОГРАФИИ

На следующий день дождь закончился. В саду блестели ветки, вода стекала с крыши, над участками перекликались птицы.

Вера поставила чайник и принесла коробку в комнату. Ночью она почти не спала. Ей снилась Светлана — не больная, не молодая, а почему-то старше самой Веры, с седыми волосами и недовольным выражением лица. Такого возраста у сестры никогда не было.

— Она была швеёй? — спросила Инесса.

— Закройщицей. Шила на заказ. Дома, потом в ателье. Ей хотелось больше.

— Модный дом?

Вера улыбнулась краем рта.

— Тогда это звучало немного смешно. Особенно здесь. Но она именно так и говорила: «У меня будет Дом». С большой буквы. Не мастерская, не ателье. Дом.

Она достала фотографию у леса.

— Это ты снимала?

— Я. Мы поссорились перед этим.

— Из-за ткани?

Вера удивлённо посмотрела на тетрадь.

— Написала всё-таки.

— Почему она смотрит в сторону?

— На ветку села сойка, — сказала Вера. — Светка всё ждала, что та закричит. Никакой тайны.

— Она знала, что умрёт?

— Знала, что может. Врачи не говорили прямо. Я тоже. Все ввали из любви, а получалось из трусости.

Вера достала один из альбомов. Пальцы её дрожали едва заметно.

— Ты говоришь о ней так, будто она была доброй феей с рисунками. Света могла неделю со мной не разговаривать, если я неправильно складывала ткань. Один раз выбросила платье заказчицы в окно, потому что та потребовала пришить цветы на грудь.

— Прямо в окно?

— Первый этаж. Платье упало в сирень. Потом Света сама его достала, почистила и пришила цветы. Деньги нужны были.

Вера засмеялась, но смех сразу закончился. Инесса впервые увидела, что мать помнит сестру не картиной, а движениями: как та вскидывала голову, как резала ткань, как щурилась на кривой шов.

— Она была хорошая? — спросила Инесса.

— Иногда. Как все.

Вера рассказала, что Светлана рано начала шить. Перешивала старые вещи, выменивала иностранные журналы, рисовала ночами. Ей хотелось делать одежду, в которой женщина не превращалась бы в вешалку для чужого вкуса. Она говорила, что платье должно знать о теле больше, чем зеркало.

Когда стало известно о болезни, Светлана работала ещё яростнее. Отказывалась от жалости. Сердилась, если Вера приносила лекарства без стука. Строила планы на следующий год. Иногда вырывала страницы из альбомов и жгла на кухне.

— Зачем?

— Говорила, плохие рисунки не должны пережить автора.

Инесса посмотрела на коробку.

— А сюда она их сама сложила?

— Да, наверное, хотела к ним вернуться. Может, просто не успела разобрать.

До этой минуты коробка казалась Инессе посланием. Теперь это мог быть просто неразо-
бранный остаток чужой жизни.

— Ты разрешишь взять альбомы?

Вера подняла голову.

— Зачем?

Инесса хотела ответить честно, но честный ответ состоял из двух несовместимых частей.

Первая: потому что рисунки прекрасны и не должны исчезнуть.

Вторая: потому что они могут стать новым бизнесом.

— Я пока не знаю.

— Тогда пока не бери.

Мать собрала фотографии и положила обратно. Тетрадь оставила на столе.

— А это?

— Прочитай. Только не делай из неё святую.

— Я не собиралась.

— Все собираются, когда человек умер молодым.

Позже Инесса вышла в сад и включила старый кассетный магнитофон, который Вера
нашла в шкафу. Кассета несколько раз зажевала ленту, потом послышался шорох. Далёкий
женский голос сказал: «Пошло?»

— Пошло, — ответила молодая Вера.

Дальше почти пять минут звучал лес.

Птицы были разными. Одна выводила короткую металлическую фразу, другая повторяла
два чистых звука, третья словно смеялась в глубине. Иногда слышались шаги и дыхание. Потом
Светлана сказала совсем близко:

— Не разговаривай. Пусть останется как есть.

Вера сидела на веранде, закрыв глаза. Инесса не смотрела на неё. Обе слушали женщину,
которой не было тридцать шесть лет.

Запись не возвращала Светлану. В ней не было её лица, тепла рук, запаха волос. Но
сохранилась её просьба: не вмешиваться, оставить лес таким, каким он был в один майский
момент.

Когда кассета закончилась, Вера произнесла:

— Она умерла в декабре. А птицы всё лето потом пели так же. Я их ненавидела.

4. АЛЬБОМЫ

Инесса вернулась домой с тетрадью, фотографиями и одним альбомом. Остальное мать оставила у себя. Это было не разрешение, а испытательный срок.

Иван сидел на кухне перед таблицей долгов. Он не побрился, на столе стояла холодная еда. За неделю без Инессы квартира стала похожа на временное жильё человека, который не знает, останется ли.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Они обнялись осторожно, как люди после болезни.

Инесса положила альбом перед ним.

— Это рисовала мамина сестра. Она умерла в восемьдесят восьмом.

Иван листал страницы медленно. Когда-то Инессе нравилось, что он не восхищается по требованию. Теперь это раздражало.

— Есть хорошие линии, — сказал он. — Но это не лекала. Тут половина не сойдётся на теле.

— Я понимаю.

— Этот рукав будет тянуть. Здесь расход ткани огромный. А это вообще рисунок, не одежда.

— Я понимаю.

Он посмотрел на неё.

— Нет, не понимаешь. Ты уже решила.

— Что решила?

— Начать заново.

Она прочитала ему запись Светланы. Иван смотрел на стол. После смерти отца он выбросил почти все его неподписанные фотографии; теперь мысль об этом вернулась вместе с шорохом леса.

— Она мечтала о модном доме, — сказала Инесса. — Представляешь? Здесь. В восьмидесятые.

— Представляю.

— Мы можем сделать коллекцию.

— Мы закрыли мастерскую чуть больше недели назад.

— У нас осталось оборудование.

— И долг.

— У нас опыт.

— Опыт закрывать бизнес?

Фраза ударила точнее, чем он рассчитывал. Инесса захлопнула альбом.

— Ты просто боишься.

— Конечно, боюсь. Это нормальная реакция после того, как мы потеряли деньги.

— Нормальная для тебя. Ты вообще теперь всё хочешь назвать расчётом.

— А ты хочешь назвать вдохновением то, на что у нас нет денег.

Инесса встала.

— Это не просто рисунки. Это человек, который не успел.

— Именно. И ты хочешь, чтобы её смерть сделала наш новый проект значительным.

В кухне стало тихо.

Иван сразу понял, что сказал это не для ясности, а чтобы ударить.

— Ты думаешь, я хочу использовать её?

— Я думаю, ты хочешь перестать чувствовать себя неудачницей. И это не лучший момент, чтобы решать за умершего человека, что он завещал.

Ночью они лежали спинами друг к другу.

Утром Иван нашёл альбом на кухне и снова открыл страницу с платьем-крылом. Рядом Светлана написала: «Рука должна двигаться свободно. Красота, которая мешает поднять ребёнка, плохая красота».

У Светланы не было детей. Вера считала, что эта строка появилась после поездки в автобусе, когда они видели женщину с сонной девочкой в узком пальто. Точно она не помнила.

Иван провёл пальцем по линии рукава.

— Если делать, — сказал он позже, — то семь вещей. Не двадцать. Предзаказ. Никакой аренды. И сначала спросишь мать, имеем ли мы право.

Инесса посмотрела на него.

— Это согласие?

— Это список условий.

Он впервые за несколько месяцев дал ей повод улыбнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.